

Михаил Кальницкий

ВБЛИЗИ «ЖИДОВСКИХ ВОРОТ»*

Киевскую местность на возвышенности, где размещались древнейшие городские укрепления, издавна называют Верхним городом. Здесь еще во времена князя Владимира Великого был сооружен «город Владимира» площадью примерно 10 га, а при его сыне Ярославе Мудром выросли укрепления «города Ярослава», охватившего вшестеро большее пространство.

О строительстве «города Ярослава» сообщает статья древнерусской летописи – «Повести временных лет» – за 1037 год. Летопись сохранила и названия ворот, ведущих внутрь этих укреплений. Главные, парадные ворота именовались Золотыми; часть их конструкций уцелела до сих пор, а к 1982 году над этими развалинами был воздвигнут условный макет Золотых ворот в натуральную величину. С юго-восточной стороны располагались Лядские ворота (их место соответствует нынешнему Майдану Независимости). А в северо-восточной части крепостных валов были устроены ворота, известные из летописи как Жидовские. Очевидно, это название указывает на близкое еврейское поселение.

Место, где находились Жидовские ворота, скорее всего, отвечает расположению позднейших Львовских ворот – у точки схождения современных улиц Большой Житомирской,

---

* Глава из книги «Еврейский Киев», которая скоро выйдет в свет в издательстве «ДУХ І ЛІТЕРА».

Сретенской, Рейтарской. Однако летописные и археологические данные позволяют только весьма приблизительно догадываться, где мог находиться древний еврейский квартал, местоположение которого к тому же, скорее всего, менялось. Едва ли евреи жили на одном и том же месте и в X веке, когда появилось «Киевское письмо», и в середине XII-го, когда в летописи упоминались Жидовские ворота.

Многие исследователи придерживаются того мнения, что поселение иудеев с синагогой располагалось с внешней стороны валов «города Ярослава». Вблизи Жидовских ворот была известна особая укрепленная местность – Копырев конец (примерно соответствует позднему Кудрявцу, где проходят современные улица Кудрявская, Несторовский переулок, Вознесенский спуск). Возможно, еврейский квартал XII века составлял часть Копырева конца. В документе 1522 года, цитируемом историком Николаем Закревским, есть и упоминание старого еврейского кладбища: король Сигизмунд I давал Михайловскому монастырю грамоту на владение полями и нивами «под Городом, за воротами Львовскими, за Пробитым валом. Почавши от самого вала Пробитого, Кудрявцем, долиною у верх до Кладовища, а за Кладовища Жидовские до вершины Кудрявца». «Пробитый вал», согласно указанию церковного историка Петра Лебединцева, представлял собой скрытую часть крепостного вала у Львовских ворот, возле Большой Житомирской улицы. Долиной Кудрявца тогда называли пространство вдоль Глубочицкого оврага, где прежде протекала река Кудрявец (Глубочица). Следовательно, еврейское кладбище могло находиться где-то на склонах в средней части этой долины, в районе нынешнего Кудрявского спуска или ул. Пимоненко. К сожалению, до настоящего времени археологические раскопки не дали убедительных вещественных свидетельств размещения средневековых еврейских поселений, еврейской синагоги, еврейского кладбища.

В начале XX века вблизи бывшего места Жидовских ворот существовал еврейский молитвенный дом по Вознесенскому спуску, 10. Его устроила купчиха Гитля Гринштейн в своей усадьбе, выходявшей одной стороной на Львовскую площадь, а другой – на Вознесенский спуск. В 1908 году под моельню

был приспособлен одноэтажный домик в глубине усадьбы, а в 1914-м на его месте был выстроен новый 5-этажный дом, в первом этаже которого было выделено новое помещение для иудейской молитвенной общины. Молельня действовала и в советское время (до конца 1920-х годов) под названием «старо-киевская синагога Хесед-Мойше». В настоящее время здание принадлежит Шевченковскому районному суду.

Вблизи Львовской площади расположен корпус бывшего Киевского художественного училища на ул. Воровского, 2 (ныне на реконструкции). Оно действовало в 1901–1920 годах (в данном здании с 1902-го) как среднее учебное заведение. Во времена «процентной нормы» вопрос о пребывании евреев в училище решался особым образом: здесь «норма» не вводилась, но на пребывание в Киеве иногородних евреев, которые желали учиться художеству, требовалось дозволение местного генерал-губернатора – начальника Юго-Западного края. Архитектор и педагог Владимир Николаев, состоявший в 1901–1911 годах директором училища, оказался чутким и отзывчивым к нуждам воспитанников иудейского исповедания; когда в ноябре 1911-го он скончался, ученики-евреи отслужили по нему молебен в Купеческой синагоге. В Киевском художественном училище воспитали целую плеяду выдающихся мастеров еврейского происхождения: в их числе – живописцы Иосиф Зарицкий, Абрам Маневич, Мане-Кац, живописец и график Иссахар-Бер Рыбак, художники театра Борис (Бер) Аронсон, Исаак Рабинович, Александр Тышлер, Нисон Шифрин, художник кино Иосиф Шпинель, скульптор Нотэ (Антуан) Певзнер, график и искусствовед Луис Лозовик и ряд других.

Вдоль линии бывшего крепостного вала, который тянулся в эпоху Ярослава Мудрого от Жидовских ворот к Золотым, теперь проходит улица Ярославов Вал. На ней встречается несколько памятных мест, связанных с историей евреев и межнациональных отношений в Киеве.

Так, участок по Ярославову Валу, 15 в дореволюционные годы принадлежал известному киевскому психиатру и общественному деятелю, профессору Ивану Сикорскому. Он тратил немало времени и сил для нужд города, для различных благотворительных и просветительских организаций. Прав-

да, порой профессор Сикорский, тесно сошедшийся с русскими шовинистами, оказывался ниже своей репутации. Так было в 1913-м во время процесса Менделя Бейлиса по поводу убийства христианского мальчика (подробнее о нем пойдет речь ниже). В ходе процесса ведущие отечественные психиатры опровергли профессиональное заключение Сикорского, усмотревшего в картине преступления признаки иудейского ритуала. Но подобные обстоятельства не умаляют всемирной славы сына профессора – выдающегося авиаконструктора Игоря Сикорского. Во дворе сохранилось старинное трехэтажное с подвалом здание, где жили Сикорские.

А в соседнем дворе можно видеть дом по Ярославову Валу, 13-б (реконструирован и надстроен в 2009 году). На его фасаде установлена мемориальная доска в честь врача-гуманиста Феофила Яновского, который жил здесь и неутомимо трудился для людей. Виднейший ученый, первый академик среди украинских медиков, он никогда не отказывал больным в помощи, никогда не брал гонораров с бедняков, порой сам незаметно оставлял свои деньги нуждающимся. В черные дни погромов он укрывал соседей-евреев в своем погребе (память о «погребке Яновского» долго еще жила среди окрестных жителей). И в 1928 году похороны Феофила Гавриловича на Лукьяновском кладбище стали днем скорби для всего города. Многие тысячи людей шли за гробом; в траурной процессии убежденного христианина Яновского, кроме православного духовенства, участвовали ксендз и раввин.

Есть сведения, что в старинном двухэтажном доме на Ярославовом Валу, 27 в 1920-е годы действовала еврейская моельня. Но подлинным памятником сакральной архитектуры стало монументальное здание кенасы по Ярославову Валу, 7. Это строение в восточном, мавританском стиле было возведено для местной общины караимов. Напомним, что караимы по религии близки к иудаизму, однако не признают Талмуд. Некоторые исследователи считают караимов потомками древних хазаров; места их компактного проживания встречаются в Крыму и в Литве. В старом Киеве караимская община была совсем небольшой, зато в состав ее входил местный «табачный король» Соломон Коген. На средства семьи

Когенов и был построен молитвенный дом для общины, называвшийся «кенаса», то есть «собрание» (от того же корня и слово «кнессет» – израильский парламент). Возводил кенасу в 1898–1902 годах архитектор Владислав Городецкий. Вместе со скульптором-итальянцем Элио Саля он находил в кирпиче и бетоне решения декора, присущие восточному зодчеству. Заметнее всего здесь монументальный подковообразный портал, густо украшенный выступами-«сталактитами». Но после революции, когда кенасу стали использовать как место зрелищ, ее архитектура пострадала: исчез красивый желобчатый купол, были сбиты арабские надписи, обрамлявшие портал... В предвоенные годы в этом помещении располагался ансамбль народной песни и танца; в состав ансамбля входил популярный в будущем артист кино Борис Сичкин (создавший образ эстрадного певца Бубы Касторского в фильме «Неуловимые мстители»). После войны здесь действовал кукольный театр, потом кинотеатр, с 1981 года – Дом актера. Уже в нынешнее время помещение бывшей кенасы иногда использовалось для еврейских молитвенных собраний.

В красивом здании стиля модерн по Ярославову Валу, 14-а в довоенные годы действовала 60-я еврейская трудовая школа; в этом же доме жил драматический актер Михаил Болдуман – впоследствии народный артист СССР, один из корифеев МХАТа. Рядом, по Ярославову Валу, 16, техник Андрей Краусс соорудил в 1897–1898 годах нарядный доходный дом с флигелем по заказу домовладельца Михаила Михайлова (он же Моисей Зильберштейн). То был известный оперный тенор – еврей, принявший крещение ради карьеры на столичной сцене, и не менее известный делец, активно занимавшийся в Киеве строительством и продажей недвижимости. Ему же принадлежало и крупное здание на Ярославовом Валу, 2 (угол Владимирской, 40). Здесь была квартира видного киевского врача-венеролога, сотрудника Еврейской больницы Александра Лурье. В 1918–1919 годах у него жил двоюродный брат Илья Эренбург.

Неподалеку от Ярославова Вала проходит старинная Рейтарская улица. На ней выделяется своим выразительным оформлением в духе флорентийского ренессанса дом № 22 –

помещение больницы, выстроенное в 1912–1914 году для Киевской скорой помощи. В декоративном убранстве фасада можно разглядеть шестиконечные звезды, однако в данном случае это – не еврейский знак, а распространенный во многих странах символ Скорой медицинской помощи. Автором проекта здания был известный киевский архитектор-еврей Иосиф Зекцер (по иронии судьбы, его жизнь окончилась в этой самой больнице, куда он угодил после несчастного случая). Напротив больницы, в доме по Рейтарской, 25, жил адвокат, крещеный еврей Яков Хазин. Его дочь Надежда Хазина, ходила отсюда в гимназию. Потом ей суждено было стать женой поэта Осипа Мандельштама и автором поразительных по своей беспощадной правдивости воспоминаний о сталинском времени.

Улицу Рейтарскую пересекает Стрелецкая, от которой начинается короткая ул. Сретенская. Угловой дом № 2 по Сретенской был построен архитектором Евгением Ермаковым в 1900–1901 годах для так называемого «Свято-Владимирского братства» – миссионерской организации, занимавшейся обращением в православие «инородцев», главным образом евреев. Неподалеку, на Сретенской, 3/15, в 1915 году несколько месяцев проживал один из «инородцев», студент Киевского коммерческого института, будущий писатель Исаак Бабель. А в доме на Сретенской, 4 в настоящее время действует Государственная еврейская библиотека им. Ошера Шварцмана.

Около воссозданных Золотых ворот сохранились интересные памятники общественной жизни Киева. Так, в полуподвальном этаже дома по ул. Владимирской, 42 в 1908–1912 годах проходили собрания Украинского клуба – авторитетного национального объединения. Потом он был закрыт царскими властями, но возродился под названием «Родина», с ударением на втором слоге, т.е. «семья». В начале 1912 года гостем Украинского клуба был крупнейший еврейский политический деятель и писатель Владимир (Зеев) Жаботинский. Власти не дали ему официального разрешения на публичные выступления в Киеве, но он все же сделал в клубе доклад о сионистском движении и призвал украинцев к взаимопониманию.

Во дворе здания № 45 на противоположной стороне Владимирской улицы находится Дом ученых. В этом помеще-

нии в 1910-е годы проходила деятельность Киевского общественного собрания – популярного объединения городской интеллигенции. Примерно 80 % членов Собрания составляли евреи – предприниматели, врачи, адвокаты, журналисты и др., среди них был и общественный раввин Абрам Гуревич. Собрание постоянно предоставляло свой зал для мероприятий еврейских национальных кружков, таких, как «Общество любителей древнееврейского языка», «Еврейское литературное общество», «Общество любителей еврейской народной музыки».

Соседний дом по Владимирской, 47 (1891, надстроен в 2000-е гг.) связан с именем великого гуманиста Януша Корчака. Здесь находилась польская женская гимназия Перетяткович, с которой Корчак сотрудничал во время своих приездов в Киев в 1915 и 1917 годах. В нашем городе он написал известную книгу «Как любить детей».

Богата еврейскими адресами и местность вблизи бывших Лядских (Печерских) ворот. Расходящиеся вверх от ворот улицы пересекает Михайловский переулок. Здесь, в доме № 20, была в 1921 году зарегистрирована еврейская молельня «Бет Яков». Известно также, что в начале 1920-х годов еще одна синагога действовала по ул. Михайловской, 17. Но уже в 1923 году собрание киевских швейников и текстильщиков приняло постановление с требованием передать им это помещение под клуб. Газетное сообщение об антирелигиозной акции заканчивалось демагогическими пассажами, которые впоследствии найдут широкое распространение при массовых гонениях на «опиум для народа»: «В стане ревностных посетителей синагоги ведется работа к подрыву этого постановления, но это им не удастся. Кто за синагогу, тот против рабочих!»

Во флигельное здание по ул. Михайловской, 12 долгое время происходило прямо-таки паломничество поклонников прекрасного. В этом доме жил известный врач-педиатр и коллекционер произведений искусства Давид Сигалов. Стены одной из его комнат были сплошь увешаны картинами, акварелями, карандашными рисунками, на которых стояли подписи Врубеля и Серова, Васнецова и Нестерова, Репина и Поленова, Сомова и Серебряковой, Добужинского и Бенуа,

Кустодиева и Рериха. После смерти Давида Лазаревича (в 1985 году, в возрасте 91 года) его изумительная коллекция, согласно заранее составленному завещанию, перешла в фонды Киевского музея русского искусства.

Один из самых заметных адресов еврейской общинной деятельности в Киеве мы находим на ул. Малой Житомирской, 20. В начале прошлого века в нижнем этаже этого солидного здания, выстроенного в 1894 году по проекту архитектора Николая Гарденина, размещалось правление Киевского отделения Общества распространения просвещения между евреями в России.

Общество было основано в Петербурге в 1863 году и некоторое время оставалось единственным в империи объединением еврейской интеллигенции. Оно ставило своей целью просветительскую деятельность среди российских евреев. К его уставным задачам относились: открытие для евреев всякого рода учебных заведений, библиотек, курсов; устройство чтений и бесед; организация музеев и выставок; материальная помощь учебным заведениям, их педагогам и воспитанникам; издание и распространение книг, периодических изданий и т. п. В значительной степени это объединение способствовало целям Хаскалы и ликвидации еврейской этнической замкнутости; наряду с овладением еврейской грамотой (сперва на языке иврит, потом и идиш), оно пропагандировало среди иудейского населения русский язык.

Киевское отделение Общества начало действовать в 1903 году. Его создание во многом стало возможным благодаря добрым отношениям, сложившимся между знаменитым сахарозаводчиком Лазарем Бродским и местным генерал-губернатором Михаилом Драгомировым. Генерал Драгомиров поставил свое «добро» на ходатайстве Бродского, который и стал первым председателем отделения. Заместителем его был крупнейший еврейский общественный деятель Киева, доктор Макс-Эммануил Мандельштам. После смерти Лазаря Бродского в 1904-м Мандельштам избрали его преемником на председательском посту. Впоследствии бразды правления принял на себя зять Бродского, видный меценат – барон Владимир Гинцбург.

Область действия Киевского отделения ОПЕ (такая аббревиатура принята для Общества) охватывала Киевскую, Подольскую и Волынскую губернии. На этой обширной и плотно населенной евреями территории создавались новые школы под эгидой ОПЕ. Регулярно происходили лекции, в проведении которых участвовали писатель и фольклорист С. Ан-ский (Соломон Раппопорт), скульптор Илья Гинцбург, будущий член Центральной Рады сионист Наум Сыркин и многие другие. С 1906 года здесь же, на Малой Житомирской, 20, при отделении функционировала библиотека, фонд которой на 1913 год превысил 10 тысяч томов. Ее руководителем был исследователь еврейской старины Герман Барац. В том же здании находились также народный детский сад, субботняя еврейская школа для взрослых, Общество вспомоществования еврейским учителям. Многие еврейские меценаты Киева словом и делом оказывали поддержку ОПЕ.

Когда началась Первая мировая война, больно ударившая по еврейскому населению западных регионов империи, часть помещений Киевского отделения ОПЕ была предоставлена новому объединению – Киевскому комитету Общества для оказания помощи еврейскому населению, пострадавшему от военных действий. Комитет сыграл важную роль в поддержке евреев-беженцев, обеспечивал их питанием и одеждой, предоставлял денежные пособия, помогал устройству в больницы, приюты, учебные заведения и т.п.

Еврейские общественные учреждения действовали здесь до окончательного установления советской власти в Киеве в 1920 году. Потом еще некоторое время здесь размещался еврейский педагогический музей, организованный Культур-Лигой. В дальнейшем материалы, собранные Киевским отделением ОПЕ, были национализированы; значительная часть библиотечных фондов теперь хранится в Национальной библиотеке Украины им. В. И. Вернадского.

На фасаде дома по Малой Житомирской, 20 можно видеть памятную доску, утверждающую, что в 1849–1857 годах здесь жил выдающийся русский писатель Николай Лесков. Между тем достоверно известно, что данное здание построено гораздо позже, как и все другие нынешние дома в усадьбе № 20. В

середине XIX века на Малой Житомирской проживал дядя Лескова, профессор Сергей Алферьев, и у него действительно поселился на время племянник, будущий писатель, – однако застройка тех лет давно утрачена. Однако здесь уместно будет вспомнить о Николае Лескове – не только как об авторе ярких зарисовок давней киевской жизни, но и как о знатоке еврейского вопроса. В начале 1884 года была издана небольшим тиражом его брошюра «Еврей в России». Лесков подготовил ее в связи с тем, что после волны еврейских погромов в черте оседлости правящие круги пристально изучали положение иудейского населения Российской империи. На страницах «Еврея в России» автор рассматривает расхожие юдофобские представления, согласно которым евреи будто бы систематически спаивают, грабят, разоряют православное население. Апеллируя к здравому смыслу, Лесков приводит неотразимый аргумент, опровергающий это мнение: почему же тогда в украинских губерниях черты оседлости крестьянские массы ведут более обеспеченный и трезвый образ жизни, нежели в великорусских регионах, практически свободных от евреев?! Вывод, к которому приходит писатель, таков:

«Евреи в России будут поставлены как должно только тогда, когда они дождутся себе общечеловеческих прав, равных со всеми русскими подданными непривилегированных классов. Вне этого возможны бесчисленные компромиссы, но настоящее, удовлетворительное решение никогда не возможно.

1) Нужно позволить евреям жить во всех без ограничения местах Империи и заниматься ремеслами и промыслами, дозволенными законом, наравне со всеми прочими подданными государства, и

2) нужно уничтожить все отдельные еврейские общества по отбыванию повинностей, нужно полное совмещение в этом отношении евреев со всеми другими обитателями страны, с которыми евреи должны нести равную государственную и земскую тягу и подлежать за всякое нарушение гражданского долга и общественной безопасности равной со всеми ответственности перед законами.

Всякие особые правила, сколько бы они ни были предусмотрены, не предоставят этому делу закончания, а только отодвинут его решение в глубь времен».

Но государственная политика в еврейском вопросе не пошла по пути равноправия, сохраняя дискриминационные законы вплоть до февраля 1917 года...

На противоположной стороне той же Малой Житомирской ул., в доме № 17, жил юрист Моисей Мазор (позже переселился на нынешнюю ул. Станиславского, 1). Сюда не раз наведывался писатель Шолом-Алейхем: адвокат был его другом, а жена адвоката Наталья Мазор – любимой племянницей.

На Софийской улице, в доме № 16 (архитектор Осип Кривогаз, 1956), жили многие известные композиторы – в том числе Юдифь Рожавская, написавшая популярную песню «Летять, ніби чайки», и Игорь Шамо – автор музыки культовой для киевлян песни на слова Дмитрия Луценко «Як тебе не любити, Києве мій!» Позже Игорь Наумович проживал поблизости отсюда, на улице Костельной, 8, где в его честь установлена мемориальная доска.

Многие еврейские учреждения Киева были связаны с домом по ул. Трехсвятительской, 3 (не сохранился): здесь действовали городское представительство по делам еврейской благотворительности, Общество попечения о бедных ремесленниках и рабочих-евреях Киева, еврейское погребальное общество. В период гражданской войны в этом доме собирался Совет Киевской еврейской общины. По сути, сюда сходились все нити еврейской жизни города.

На Трехсвятительской улице расположен Михайловский Златоверхий монастырь. К 2000 году были воссозданы главные сооружения этой обители, включая соборный храм XII–XVIII вв., снесенный в 1937-м ради строительства грандиозной правительственной площади. С этим монастырем связаны тягостные воспоминания о событиях марта 1918 года, когда территорию обители занял отряд гайдамаков и принялся устраивать самосуд над евреями. То было одно из первых звеньев в трагической цепи погромов на Украине времен гражданской войны...

Вдоль монастырской ограды можно пройти к верхней станции оригинального транспортного средства – киевского фуникулера. Два подвесных вагона, движущихся вверх-вниз по наклонной линии длиной 238 метров, – удобное сообщение между Верхним городом и Подолом, популярное среди киевлян и приезжих. Со времени пуска в 1905 году сооружения фуникулера не раз обновляли, но реконструкция изменила главным образом нижнюю станцию, а верхняя осталась на прежнем месте. Инициатором создания и ведущим проектировщиком «Михайловского подъема» (как называли прежде фуникулер) был видный инженер-еврей Артур Абрагамсон. Он играл заметную роль в технической жизни Киева, считался одним из ведущих деятелей Юго-Западных железных дорог, где занимал высокий пост. Но «иностранческое» происхождение привело к тому, что Абрагамсону пришлось оставить службу в Киеве.

Ансамбль Михайловского монастыря зрительно перекликается с ансамблем Софии Киевской. К Софийской площади ведет Владимирский проезд, над которым не так давно нагромодили застекленный корпус современного отеля. Рядом с ним виден старинный фасад трехэтажного дома по ул. Владимирской, 17, снесенного ради строительства отеля и построенного заново. В свое время на Владимирской, 17 жил известный еврейский деятель Герман Барац, в разное время занимавший должности «ученого еврея» при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе (иными словами, консультанта по еврейским делам) и цензора еврейских изданий. Барац был чудаковат и рассеян, в Киеве о нем ходили легенды. Одну из них пересказал его знакомый, писатель Шолом-Алейхем: «Он никогда не мог попасть к себе домой, пока не натыкался на дощечку с надписью «Герман Маркович Барац». Однажды Барац, внимательно посмотрев на дощечку, прочитал указанные на ней часы приема – с трех до пяти. Взглянув на часы и убедившись, что сейчас всего только два, Барац решил, что Бараца, должно быть, нет дома. А раз Бараца нет дома, то Барацу здесь делать нечего. И он отправился на часок погулять в саду». По соседству, на Владимирской, 19, установлен памятный знак с изображением Якова Давидзона – легендарно-

го фоторепортера, прошедшего все горячие точки Великой Отечественной и заполнившего своими снимками не одну страницу учебников истории. Рассказывают, что когда в Киев приезжали Хрушев или Брежнев, они первым делом оглядывались в поисках хорошо знакомого им фотографа и спрашивали: «А где же Яша?» А на примыкающей к Владимирскому проезду улочке Аллы Тарасовой, в доме № 4, на исходе своего творческого пути жил еврейский музыковед-фольклорист Моисей Береговский.

Софийский собор – знаменитейшее произведение киевского зодчества, сохранившее архитектурные особенности и художественное убранство первой половины XI века. Ныне древний собор – музей-заповедник. Он служит символом религиозной терпимости и взаимопонимания: по торжественным датам здесь происходят встречи президента Украины с духовными лидерами различных конфессий, в том числе иудейской. На территории Софийского заповедника расположен Центральный государственный архив-музей литературы и искусства, ряд материалов которого связан с деятелями еврейской культуры и национальными творческими учреждениями.

На площади перед Софией Киевской в 1888 году был открыт памятник гетману Богдану Хмельницкому (скульптор Михаил Микешин, архитектор Владимир Николаев). Как известно, первоначальный проект Микешина предусматривал значительно более помпезную, многофигурную композицию. В частности, позади Богдана и его коня должны были размещаться изваяния униженных «инородцев» – польского пана и еврея. Надо сказать, что местные власти без особого восторга восприняли такой замысел, гарантировавший на будущее межнациональные конфликты в Киеве. Однако Микешин не уступал, так что его проект, невзирая на негативный отзыв генерал-губернатора князя Дондукова-Корсакова, сподобился «высочайшего утверждения». И все же скульптуры, позорящие поляков и евреев, не были выполнены – по вполне прозаичной причине. Памятник сооружался исключительно на общественные пожертвования, а их собрали раза в три меньше, чем требовалось по смете. Денег хватило только на конную статую гетмана...

На ту же Софийскую площадь выходит боковым фасадом одно из крупнейших сооружений старого Киева – так называемые Присутственные места по ул. Владимирской, 15. Исходное здание этого комплекса возвели в позднеклассическом стиле в 1854–1857 годах. Здесь размещались губернские учреждения – так называемые «присутствия». В числе прочих корпус Присутственных мест включал помещения судебной палаты и Окружного суда.

Осенью 1913 года киевский Окружной суд оказался в центре внимания всей Российской империи, можно даже сказать – всего мира. Здесь проходил знаменитый процесс Бейлиса. Еврейского обывателя с Лукьяновки Менделя Бейлиса в самых мрачных традициях средневековой инквизиции обвинили в убийстве христианского мальчика с ритуальной целью. Весь Киев знал, что убитый подросток, Андрей Юшинский, водил знакомство с отпрысками отпетых уголовников, что к нему имели претензии лукьяновские бандиты. Но царские власти из политических соображений организовали ритуальный процесс: в обществе росло опасное для монархии напряжение, и было очень желательно продемонстрировать, что во всех бедах виноваты евреи. Черносотенцы развернули бешеную антисемитскую пропаганду. Однако им противостояла вся передовая общественная мысль страны. Известнейшие политики, ученые и деятели культуры – русские, украинцы, поляки – выступали в поддержку Бейлиса. На суде его защищали лучшие адвокаты. А публицисты освещали события в прессе, причем самые яркие очерки печатал в газете «Киевская мысль» один из свидетелей суда – выдающийся писатель Владимир Короленко.

В день оглашения приговора, 28 октября (10 ноября) 1913 года, близ Софийской площади собралось множество народа. Одни переживали за судьбу Бейлиса, другие ждали обвинительного приговора, чтобы начать еврейский погром. Однако даже прямой нажим царского министра юстиции оказался бессильным. Суд присяжных внял многочисленным доказательствам невиновности Бейлиса и оправдал его. Правда, вердикт оказался, по сути, половинчатым: сняв вину конкретно с Бейлиса, жюри присяжных согласилось с тем, что целью на-

несения ран мальчику было извлечение крови и что убийство состоялось в усадьбе больницы еврея Зайцева. Такое утверждение оставляло ритуальную версию не опровергнутой...

Рядом с комплексом Присутственных мест, в доме по ул. Большой Житомирской, 4 жил один из адвокатов Бейлиса в ходе следствия – Арнольд Марголин.

Позже, в годы гражданской войны, Арнольд Давидович оказался заметной фигурой во внешнеполитическом ведомстве Симона Петлюры, который поручил ему добиться от стран Антанты содействия независимой Украине и петлюровской Директории. Но у Антанты были другие приоритеты, так что усилия Марголина оказались тщетными, а сам он в Украину уже не вернулся...

Недалеко от перекрестка улиц Большой Житомирской и Владимирской лежит та местность, с которой некогда начинался Киев. Здесь были самые ранние городские укрепления, появившиеся еще во времена Владимира Великого и его предков – Святослава, Ольги, Игоря. Теперь эта территория стала заповедным парком, посреди которого возвышается Национальный музей истории Украины. Здесь, в начале Владимирской ул., тоже сохранились еврейские адреса. Так, в доме по Владимирской, 7, где в начале XX века действовало частное коммерческое училище, в 1916 году была открыта частная гимназия Козаринского – первая в Киеве официально разрешенная мужская еврейская гимназия. Поначалу она предназначалась для еврейских детей, чьи родные были на фронтах 1-й мировой войны, но власти позволили принимать туда и других мальчиков. Напротив стоит жилой дом по Владимирской, 4 (первоначально был двухэтажным; надстроен в 1900-м и затем в 2000-х годах). В 1911 году здесь родился будущий писатель-фронтовик Виктор Некрасов – человек обостренной совести, выступавший на митинге в память жертв Бабьего Яра, а впоследствии вынужденный эмигрировать из СССР. Еще раньше в этом же доме жил Марк Варшавский, автор популярных песен на идиш.

Ближайшим другом поэта-юриста был Шолом-Алейхем. Едва написав новую песню, Варшавский отпраивался к нему в гости, где исполнял новинку своим приятным баритоном.

Дочь Шолом-Алейхема Сарра (Ляля) вспоминала: «Мы, дети, стоим около рояля и смотрим ему прямо в рот. Мы с ним – лучшие друзья. Он, Варшавский, умеет также петь петухом, блеять овцой и мяукать кошкой. Не раз мы искали кошку под диваном, когда он приходил к нам. Маленький, толстенький, веселый, добрейший человек». Марку Варшавскому было уже за пятьдесят, когда он (в 1900 году) рискнул выпустить сборник, в который вошли 25 его избранных песен. Предисловие к этому сборнику написал Шолом-Алейхем, не пожалевший для друга искренних слов похвалы и восхищения. Позже были опубликованы и ноты. Так песни Марка Варшавского стали фактом культуры еврейского народа. Люди пели их, уже не задумываясь о том, кто автор этих незатейливых, но таких симпатичных стихов. Одна из песен, сочиненных Варшавским, давно стала народной, ее первая строка известна любому еврею:

Офн припычикль брент а файерлэх...